

PROVISIONAL
For participants only

A/CN.4/SR.3011
1 December 2009

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Шестьдесят первая сессия
(Первая часть)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КРАТКИЙ ОТЧЕТ О 3011-м ЗАСЕДАНИИ,

состоявшемся во Дворце Наций, Женева,
в среду, 27 мая 2009 года, в 10 час. 00 мин.

СОДЕРЖАНИЕ

ДАНЬ ПАМЯТИ СЭРА ДЕРЕКА БОУЭТА, БЫВШЕГО ЧЛЕНА КОМИССИИ
ОГОВОРКИ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ *(продолжение)*

Поправки к настоящему отчету должны представляться на одном из рабочих языков. Они должны быть изложены в пояснительной записке, а также внесены в один из экземпляров отчета. Поправки следует направлять в течение двух недель с момента выпуска настоящего документа в Секцию редактирования и корректирования публикаций, комната E.4105, Дворец Наций, Женева.

GE.09-61520 (R) 011209 011209

Присутствуют:

Председатель:

г-н ПЕТРИЧ

Члены:

г-н ВАРГАС КАРРЕНЬО
г-н ВАЛЕНСИЯ ОСПИНА
г-н ВАСЬЯННИ
г-н ВИСНУМУРТИ
сэр Майкл ВУД
г-н ГАЛИЦКИЙ
г-н ГАЯ
г-н ДУГАРД
г-н КАНДИОТИ
г-н КАФЛИШ
г-н КОЛОДКИН
г-н КОМИССАРИУ АФОНСУ
г-н МАКРЭЙ
г-н МЕЛЕСКАНУ
г-н МУРАСЭ
г-н ОДЖО
г-н ПЕЛЛЕ
г-н ПЕРЕРА
г-н САБОЯ
г-жа СЮЭ
г-н ФОМБА
г-н ХАССУНА
г-н ХМУД
г-жа ЭСКАРАМЕЙЯ
г-жа ЯКОБССОН

Секретариат:

г-н МИКУЛКА

Секретарь Комиссии

Заседание открывается в 10 час.05 мин.

ДАТЬ ПАМЯТИ СЭРА ДЕРЕКА БОУЭТА, БЫВШЕГО ЧЛЕНА КОМИССИИ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что он получил прискорбное известие о кончине несколько дней назад сэра Дерекa Боуэта, члена Комиссии с 1991 по 1996 год. Ученик сэра Херша Лаутерпахта, сэр Дерек добился блистательной карьеры в области международного права и как ученый, и как практик. Среди его незаурядных достижений, признанных всем международным научным сообществом, можно отметить его несравненный опыт в области международного состязательного судопроизводства, его активное участие в разрешении пограничных споров и его вклад в разработку режима глубоководных минеральных ресурсов морского дна Мирового океана.

В Комиссии международного права его мудрость и опыт высоко ценились всеми, кто с ним работал, и он внес большой вклад в работу Комиссии по вопросам международных отношений. Его острый ум, страстная увлеченность международным правом и обходительность останутся в памяти у всех.

По предложению Председателя члены Комиссии соблюдают минуту молчания.

Г-н ВАРГАС КАРРЕНЬО говорит, что как член Комиссии с 1992 по 1996 год он может засвидетельствовать высокие интеллектуальные и моральные качества сэра Дерекa. Он был великим ученым, видным международным гражданским служащим и незаурядным практикующим адвокатом. Среди его многих работ, которые оказали большое влияние на международное право, его труды по таким вопросам, как самооборона в международном праве и деятельность Международного Суда, отражают, в частности, его громадный опыт в области международного состязательного судопроизводства на самом высоком уровне.

Сэр Дерек был известен своей рассудительностью и своей способностью ясно и кратко суммировать важные прения, как об этом можно судить по его вкладу в дискуссии по проекту Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества и по темам

правопреемства государств и ответственности государств. Своей педагогической деятельностью, публикациями, работой в Комиссии и другой деятельностью сэра Дерек оставил в международном праве богатое наследие.

Г-н ПЕЛЛЕ говорит, что он познакомился с сэром Дерекком в 1988 году во время устного судопроизводства в Международном Суде по делу *о пограничных и трансграничных вооруженных действиях (Никарагуа против Гондураса)*, когда он, новичок, представлял Никарагуа, а сэра Дерек, уважаемый адвокат в Международном Суде, представлял Гондурас. Сэр Дерек не обижался на его некоторые довольно дерзкие высказывания в ходе слушаний и даже оказывал ему поддержку в его карьере, а впоследствии они совместно работали при разбирательстве многих дел. Сэру Дереку всегда были свойственны открытость и откровенность, он всегда был готов слушать и советовать, не навязывая свой совет.

Как член Комиссии сэра Дерек был сдержан, но крайне эффективен. Он был человеком немногословным, но, тем не менее, его доводы нередко решали исход дела. Под его председательством в Рабочей группе по долгосрочной программе работы были приняты многие важные решения; обзор методов работы Комиссии, который он возглавлял, был также проведен успешно. Великий интернационалист, великий юрист и дорогой друг, его, к прискорбию, будет не хватать.

Г-г ФОМБА говорит, что ему выпала честь с 1992 по 1996 год работать в Комиссии совместно с сэром Дерекком. Прежде всего, он был незаурядным юристом, который внес колоссальный вклад в доктрину и юриспруденцию в международном праве. Он также внес бесценный вклад в работу Комиссии по выбору тем как в качестве Председателя Редакционного комитета, когда рассматривались такие важные темы, как ответственность государств, так и в качестве Председателя Рабочей группы по долгосрочной программе работы.

Г-н ХАССУНА, вспоминая сэра Дерекка как лектора Кембриджского университета, говорит, что он был скромным, всегда доступен для студентов и популярен среди них в силу своего сбалансированного и практического подхода к проблемам. К числу его многих публикаций относятся «*Law of International Institutions*» («Право

международных учреждений») и «*United Nations Forces: A legal Study of United Nations Practice*» («Вооруженные силы Организации Объединенных Наций: правовое исследование практики Организации Объединенных Наций»).

Его опыт работы в Организации Объединенных Наций наделил его хорошим пониманием международного сообщества, и в качестве советника по правовым вопросам Ближневосточного агентства Организации Объединенных Наций для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) он глубоко понимал проблемы Ближнего Востока. Он говорит, что работал с сэром Дерексом во время вынесения арбитражного решения по делу *о Табе*, когда сэр Дерекс являлся главным советником по юридическим вопросам правительства Египта, а его друг и иногда соперник, сэр Элиху Лаутерпахт, являлся советником правительства Израиля. Это дело, которое в конечном итоге было выиграно правительством Египта, служит хорошим примером разрешения спорного дела правовыми средствами. Вместе с тем он хочет отметить, что сэр Дерекс был не только видным членом Комиссии и великолепным педагогом, но и превосходным человеком.

Сэр Майкл ВУД говорит, что к международному праву его приобщил сэр Дерекс в Кембриджском университете. Сэр Дерекс обладал таким сочетанием качеств идеалиста и реалиста, которое является столь важным для ученого и практикующего юриста и которое столь наглядно проявилось в его работе в БАПОР в очень трудное время в Бейруте.

Г-н ДУГАРД говорит, что когда он был студентом Кембриджского университета, на его решение выбрать карьеру в области международного права повлияли труды сэра Дерекса и, прежде всего, его личность. Сэр Дерекс был как реалистом, так и идеалистом, который помогал людям понять важную роль международного права в жизни современного общества.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ говорит, что он направит от имени Комиссии письмо соболезнования семье сэра Дерекса.

ОГОВОРКИ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ДОГОВОРАМ (пункт 3 повестки дня) *(продолжение)*
(A/CN.4/614)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ предлагает Комиссии возобновить обсуждение четырнадцатого доклада Специального докладчика по теме оговорок к международным договорам (A/CN.4/614).

Г-жа ЭСКАРАМЕЙЯ благодарит г-на Пелле за его четырнадцатый доклад и, в частности, за раздел, содержащий обзор последних событий в связи с оговорками и заявлениями о толковании в различных международных и региональных судах и механизмах по правам человека. У нее есть два вопроса относительно информации, содержащейся в этом обзоре. Во-первых, согласно пункту 64 Европейский центр сбора и учета оговорок к международным договорам рассматривает вопрос о допустимости оговорок к договорам о борьбе с терроризмом, включая оговорки, сформулированные более чем в течение 12-месячного срока. Специальный докладчик заключил, что Европейский центр считает, что возражения против оговорок по-прежнему могут формулироваться даже по истечении 12-месячного срока, что подтверждает необходимость проекта руководящего положения 2.6.15 (Последующие возражения). Она не понимает увязку с этим проектом руководящего положения, поскольку в нем просто говорится, что последующее возражение не вызывает юридических последствий возражения, сформулированного с соблюдением 12-месячного срока. Если Европейский центр имеет в виду, что если государство формулирует последующие оговорки, то эти оговорки могут вызывать юридические последствия, что будет противоречить проекту руководящего положения 2.6.15. Поэтому она просит дать разъяснение на этот счет.

Ее второй вопрос касается рекомендаций, вынесенных рабочей группой по оговоркам на шестом межкомитетском совещании договорных органов по правам человека. В своей рекомендации № 5 рабочая группа подтвердила компетенцию договорных органов давать оценку допустимости оговорок. Она также поддержала предложение Специального докладчика на тот счет, что недопустимая оговорка должна считаться ничтожной, и заключила, что если не будет неоспоримо установлено иное намерение государства, оно будет оставаться участником договора без учета такой оговорки (рекомендация № 7). Она удивлена тем, что Специальный докладчик в конце

пункта 54 своего доклада отмечает, что такой вывод не отражает его позицию, и просит его дать некоторые дополнительные разъяснения. Рекомендация № 7 строится на той презумпции, что государство предпочтет оставаться участником договора даже в том случае, когда его оговорка считается недопустимой. По ее мнению, такая позиция является логичной и подтверждается в пункте 18 доклада рабочей группы по оговоркам (HRI/MC/2007/5).

Касаясь проекта руководящего положения 2.4.0, она соглашается с тем, что в силу доводов, приведенных в пункте 75 четырнадцатого доклада, заявление о толковании следует предпочтительно делать в письменной форме. Вместе с тем в комментарии к этому проекту руководящего положения следует отразить ту мысль, что заявления о толковании могут формулироваться и в устной форме и что даже несмотря на то, что официальная процедура на этот счет может отсутствовать, такие заявления все же могут иметь доказательную силу, как это заключил Международный Суд в своем консультативном заключении 1950 года по вопросу *о международном статусе Юго-Западной Африки*. Кроме того, она предлагает исключить слово «письменная» в названии этого проекта руководящего положения.

Что касается проекта руководящего положения 2.4.3, то она полагает, что в нем следует сослаться не только на проекты руководящих положений 2.1.5, 2.1.6 и 2.1.7, но также на проекты руководящих положений 2.1.8 (Процедура в случае явно недопустимых оговорок) и 2.1.9 (Мотивировка). Специальный докладчик утверждает, что упоминать проект руководящего положения 2.1.8 нет необходимости, поскольку вопрос о допустимости или недопустимости заявления о толковании является далеко не ясным (пункт 77). Однако она считает, что есть по крайней мере два случая, когда в договоре может предусматриваться недопустимость заявлений о толковании: первый – когда в договоре сказано, что никакие толкования его текста недопустимы, а государство толкует его; и другой – когда в договоре содержатся определения некоторых понятий или ситуаций, а государство толкует их иначе. В таких случаях должна применяться процедура, предусмотренная в проекте руководящего положения 2.1.8 на случай явно недопустимых оговорок.

Она не согласна с точкой зрения, выраженной Специальным докладчиком в пункте 78 доклада: прежде он утверждал, что было бы полезно и желательно обосновывать мотивы заявления о толковании, но, тем не менее, в докладе он говорит, что о таком обосновании не может быть и речи, поскольку «давать пояснения к этим пояснениям не нужно, да и невозможно». Такой поворот на 180 градусов немало озадачивает, особенно ввиду того, что пункт 78, как представляется, покоится на той посылке, что в каждом заявлении о толковании заключены мотивы того или иного рода. На самом деле государства нередко просто дают желательное для них толкование, не мотивируя его. Например, в своем заявлении о толковании в связи с Конвенцией о предупреждении геноцида и наказании за него Соединенные Штаты Америки просто указали без дальнейших пояснений, что они понимают «намерение» как «прямое намерение» и что «действия, совершаемые во время вооруженных конфликтов без прямого намерения, предусмотренного статьей II, недостаточны для того, чтобы представлять собой геноцид, как он определен в Конвенции». Она не понимает, почему Комиссии не следует рекомендовать государствам давать разъяснение мотивов их заявлений. Кроме того, она будет признательна Специальному докладчику, если он сможет подтвердить, что многие такие заявления, которые нередко именуется «пониманиями», по существу представляют собой те же заявления о толковании.

Ее не удовлетворяет редакция проекта руководящего положения 2.4.3-бис, в котором говорится, что, насколько это возможно, заявление о толковании следует делать в соответствии с процедурой, установленной в трех других проектах руководящих положений, поскольку она не уверена, что заявление о толковании следует делать с использованием процедуры, применяемой для уведомлений об оговорках. Если это надлежащая процедура, то данный проект руководящего положения следует переформулировать, с тем чтобы он гласил: «Насколько это возможно, проекты руководящих положений 2.1.5, 2.1.6, 2.1.7, 2.1.8 и 2.1.9 применяются *mutatis mutandis* к заявлениям о толковании».

Проекты руководящих положений 2.4.0 и 2.4.3-бис следует направить в Редакционный комитет вместе с изменениями, предложенными в ходе обсуждения на пленуме.

Г-н ГАЯ говорит, что Специальный докладчик, представляя свой четырнадцатый доклад, предложил Комиссии превосходное меню, но до настоящего момента он подал только закуску. Нынешнее обсуждение следует, по существу, ограничить только пунктами 67 – 79 доклада, поскольку это единственные пункты, текст которых имеется на всех языках Комиссии. Одному единственному языку, даже если это язык Вольтера, не следует отдавать предпочтение по сравнению с другими языками.

Простые заявления о толковании имеют мало общего с оговорками. Хотя это и не является недавним открытием, важно отметить, что Международный Суд в своем решении от 3 февраля 2009 года по делу *о делимитации морских пространств в Черном море (Румыния против Украины)* подтвердил этот факт.

Проекты руководящих положений 2.4.0 и 2.4.3-бис являются приемлемыми, хотя их редакция и может быть улучшена. Они были представлены довольно поздно, если учитывать, что аналогичные проекты руководящих положений, касающиеся уведомлений об одобрении заявлений о толковании, были направлены в Редакционный комитет в предыдущем году. Теперь Специальный докладчик утверждает, что не только уведомления об одобрении, но также и заявления о толковании должны формулироваться в письменной форме. Хотя логичнее было бы представить эти проекты руководящих положений в обратном хронологическом порядке, внесенные два проекта руководящих положений могут, тем не менее, быть направлены в Редакционный комитет.

В проекте руководящего положения 2.4.3-бис не содержится ссылки на проект руководящего положения 2.1.8, поскольку «далеко не очевидно, что заявление о толковании может быть «допустимым» или «недопустимым». Тот же вывод следует сделать и в отношении проекта руководящего положения 2.9.7 (Формулирование одобрения, несогласия и переквалификации и уведомление о них), который был уже направлен в Редакционный комитет.

Исходя из разъяснений Специального докладчика в Редакционном комитете, он понимает, что допустимость заявления о толковании может подвергаться сомнению, когда договором любые заявления о толковании запрещены. Однако такие случаи имеют место редко. Его лично не убеждает тот тезис, что следствие запрещения заявлений о

толковании заключается в том, что если государством или международной организацией сформулировано такое заявление, то его следует считать недопустимым. Если считать, что заявление о толковании не вызывает юридических последствий, то он не может понять, какой цели может служить постановка вопроса о его допустимости.

В любом случае Комиссии исключительно важно занять последовательную позицию по вопросу о допустимости заявлений о толковании в уже находящихся на рассмотрении Редакционного комитета проектах руководящих положений об уведомлении и одобрении таких заявлений.

Г-н МАКРЭЙ, комментируя проект руководящего положения 2.4.3-бис, говорит, что его исходная позиция отличается от позиции г-жи Эскармейя в том, что он испытывает сомнения относительно включения в него ссылки на проект руководящего положения 2.1.7 отчасти потому, что, по его мнению, неправильно говорить о допустимости или недопустимости заявления о толковании. Такие заявления могут давать некорректное или ошибочное толкование, но у депозитария очень ограниченная возможность определять, являются ли они допустимыми или недопустимыми, за исключением крайне необычного случая, когда заявления о толковании прямо запрещены. По той же причине он выступает против включения ссылки на проект руководящего положения 2.1.8. Более того, включение ссылки на проекты руководящих положений 2.1.7 и 2.1.8 поднимает сложный вопрос о том, не является ли заявление о толковании на самом деле оговоркой. Если проект руководящего положения 2.1.7 будет упомянут, то в комментарии к проекту руководящего положения 2.4.3-бис потребуется подробно разъяснить основания, по которым это сделано.

Его не совсем убедили доводы Специального докладчика против включения проекта руководящего положения о мотивировке заявлений о толковании. Хотя два года назад он сам сомневался в необходимости требовать указание мотивов в ряде обстоятельств, поскольку это, как ему казалось, налагает на государства излишнее бремя, с тех пор его переубедила идея о диалоге об оговорках, поскольку содержание оговорки будет лучше понято, если мотивы, лежащие в основе оговорки, будут указаны. Если соглашаться с идеей диалога об оговорках, то это приводит к тому следствию, что полезно знать и мотивы заявлений о толковании, и поэтому они должны быть указаны. Во многих

случаях мотивировка заявления о толковании может быть самоочевидной, но в других случаях она может быть не столь наглядной. Например, государство может добавить комментарий на тот счет, что оно делает заявление о толковании потому, что оно считает, что такое действие согласуется с правотворческой историей или с *travaux préparatoires* договора. С другой стороны, государство может считать, что, формулируя заявление о толковании, оно действует в соответствии с практикой государств. В обоих случаях разъяснение мотивов заявления о толковании будет содействовать любому последующему диалогу об оговорках, когда другие государства одобряют такое заявление или возражают против него.

Поэтому Специальный докладчик должен вернуться к тому тезису, что в определенных случаях будет полезно и уместно сообщать о мотивах. Такое положение можно сформулировать следующим образом: «Заявление о толковании, когда это уместно, должно сопровождаться изложением мотивов». Затем Комиссия может разъяснить в комментарии, почему во многих случаях этого может не происходить.

Г-н МЕЛЕСКАНУ поддерживает просьбу Специального докладчика о том, чтобы исследование Секретариата о последствиях оговорок в контексте правопреемства государств было распространено среди членов Комиссии, даже если оно имеется не на всех языках.

Решение Международного Суда по делу *о делимитации морских пространств в Черном море (Румыния против Украины)* серьезно подорвало идею о тесном увязывании проектов руководящих положений о заявлениях о толковании с проектами руководящих положений об оговорках. Такой подход был предложен потому, что на практике, как известно, государства иногда предпочитают делать заявления о толковании, которые фактически являются оговорками, особенно в тех случаях, когда формулирование оговорок договором запрещено. Проект руководящего положения 2.8.1, гласящий «Если договор не предусматривает иное, оговорка считается принятой государством или международной организацией, если оно/она не выскажет возражений против оговорки в течение периода, предусмотренного в руководящем положении 2.6.13», дает понять, что прежде чем оговорка будет принята, пройдет немало времени, и в этом случае государства могут предпочесть делать заявление о толковании.

Г-н Гая поднял интересный вопрос о проведении различия между допустимостью заявления о толковании и его последствиями, но заявление, которое является допустимым, но не имеет последствий, является бесполезным. Поэтому необходимо серьезно подумать о том, как согласовать руководящие положения о заявлениях о толковании, которые не вызывают возражений, с руководящими положениями об оговорках; в противном случае режим заявлений о толковании будет малоинтересен для государств-участников договоров, если только не относиться к нему как к средству выражения политической позиции.

Хотя итог рассмотрения дела *о делимитации морских пространств в Черном море (Румыния против Украины)* не вызывает у него неудовлетворения, он озабочен тем, как Международный Суд не принял во внимание заявление Румынии о делимитации морских пространств, особенно потому, что одно из самых важных заключений, к которому пришла рабочая группа по оговоркам на шестом межкомитетском совещании договорных органов по правам человека, заключалось в том, что оговорки и заявления о толковании могут содействовать достижению цели универсальной ратификации договоров (HRI/MC/2007/5, пункт 16).

Он поддерживает предложение, изложенное в пункте 66 доклада Специального докладчика, снабдить Руководство по практике двумя приложениями и согласен с предложенным содержанием этих приложений.

Текст проекта руководящего положения 2.4.0 не вызывает особых проблем. Заявление о толковании, когда это возможно, должно формулироваться в письменной форме, поскольку широкое оглашение государствами своей точки зрения, несомненно, отвечает их интересам, даже если юридические последствия такого заявления вызывают споры. С другой стороны, он не хотел бы рекомендовать государствам обязательно излагать мотивы их заявлений о толковании, поскольку на практике это обычно не делается и серьезно осложнит механизм формулирования таких заявлений. Ввиду того, что заявления о толковании в любом случае имеют ограниченные последствия, то, как представляется, вряд ли стоит создавать сложную и весьма ограничительную систему,

которая будет малополезной, если соглашаться с аргументацией Международного Суда в деле *о делимитации морских пространств в Черном море*.

Проект руководящего положения 2.4.3-бис сформулирован в целом приемлемо. Он вполне готов обсудить в Редакционном комитете предложение г-жи Эскармейя о добавлении ссылки на определенные проекты руководящих положений и предложение г-на Макрэя об исключении какой-либо ссылки на проекты руководящих положений 2.1.7 и 2.1.8.

Проекты руководящих положений 2.4.0 и 2.4.3-бис могут поэтому быть направлены в Редакционный комитет при условии, что все согласны с тем, что Комитет может обсудить вопрос о расширении или сужении ссылки на другие проекты руководящих положений.

Г-н ФОМБА говорит, что в первых трех разделах четырнадцатого доклада приводится полезный обзор предыдущей работы Комиссии по этой теме. Он приветствует намерение Специального докладчика обсудить практические последствия решения Международного Суда от 3 февраля 2009 года по делу *о делимитации морских пространств в Черном море (Румыния против Украины)* во время прений по вопросу о последствиях заявлений о толковании и реакций на них. Рекомендации, сформулированные рабочей группой по оговоркам на шестом межкомитетском совещании договорных органов по правам человека, на многое проливают свет. Он одобряет осторожность, проявленную Специальным докладчиком в пункте 54 доклада. Позиция Межамериканского суда по правам человека в отношении толкования оговорок, освещенная в пункте 58, является довольно оригинальной и крайне полезной. Кроме того, он согласен с тем, что практика Совета Европы в рамках Специального комитета юридических советников по вопросам международного публичного права (КАХДИ) в его качестве Европейского центра сбора и учета оговорок к международным договорам скорее всего подтверждает уместность проекта руководящего положения 2.6.15. Он одобряет план четырнадцатого доклада, предложенный Специальным докладчиком, особенно его предложение снабдить Руководство по практике двумя приложениями.

У него нет никаких возражений против того, что Специальный докладчик повторяет вывод, сделанный в его шестом докладе относительно процедуры формулирования заявлений о толковании, и того, что он решил не пересматривать этот вывод. Он согласен с рекомендацией Специального докладчика, изложенной в пункте 75, и говорит, что проекты руководящих положений 2.4.0 и 2.4.3-бис не вызывают каких-либо особых проблем. По причинам, изложенным в пункте 77, нет необходимости упоминать в проекте руководящего положения 2.4.3-бис проект руководящего положения 2.1.8. Он поддерживает Специального докладчика в том, что нет также необходимости мотивировать заявление о толковании ввиду пояснительного характера такого заявления. Однако он выступает за мотивирование реакций на заявления о толковании и поэтому считает проект руководящего положения 2.9.6 полезным.

Два проекта руководящих положений, содержащиеся в четырнадцатом докладе, должны быть переданы Редакционному комитету.

Г-н КАФЛИШ говорит, что он согласен с мнением, выраженным на шестом межкомитетском совещании договорных органов по правам человека рабочей группой по оговоркам в ее рекомендации № 7, которое воспроизводится в пункте 54 доклада Специального докладчика, хотя он, как и Специальный докладчик, мог бы обойтись без слова «неоспоримо», поскольку намерение может быть либо установлено, либо не установлено.

Переходя к пункту 69 доклада, он говорит, что он полностью согласен со Специальным докладчиком в том, что нет необходимости определять форму, в какой должно формулироваться заявление о толковании, или процедуру уведомления о нем, как нет необходимости и мотивировать его. Вместе с тем он согласен со Специальным докладчиком, что заявления о толковании следует формулировать в письменной форме.

В проекте руководящего положения 2.4.0 он предпочел бы опустить слово «предпочтительно», поскольку использование слова «следует» достаточно для того, чтобы передать идею отсутствия правового обязательства.

Таким образом, он считает, что проекты руководящих положений 2.4.0 и 2.4.3-бис могут быть направлены в Редакционный комитет.

Заседание закрывается в 11 час. 20 мин., чтобы позволить Редакционному комитету по ответственности международных организаций провести заседание.
